

С нарастающим отчаянием мы с Маришей огляделись вокруг себя. Пейзаж, который из окна поезда выглядел так притягательно, при ближайшем рассмотрении сильно нас разочаровал. И зачем, спрашивается, мы выскочили из вагона на этом забытом богом разъезде? Любой другой затруднился бы с ответом, но мне он был хорошо известен. И давно пора бы смириться с тем, что эксцентричная натура моей подруги время от времени требовала выхода, причем времена эти наступали в самый неожиданный для окружающих, в том числе и для меня, момент, и каждый раз я оказывалась совершенно к нему не подготовленной.

Ну и что из того, что под синим небом раскинулось просторное поле, за которым вырисовывалась кучка домиков с белеными стенами и крышами, про которые один из наших попутчиков сказал, будто они крыты соломой. Нельзя же в самом деле быть такими идиотками, чтобы поверить в то, что на рубеже XXI века люди еще кроют крышу соломой. Но, поддавшись соблазну вкусить прелести жизни в дремлющем под жарким солнцем украинском селе, Мариша настояла на том, чтобы мы сошли с поезда. И вот по ее милости и моей слабыхарактерности мы и оказались в полной тишине и гордом одиночестве посреди колхозных полей.

Хотя на самом деле все началось еще раньше, когда Мариша решила оставить наш родной и люби-

мый Питер и потребовала, чтобы я ехала вместе с ней.

— Посмотри на себя, — твердила она. — Ты ж тут совершенно завяла. У тебя вид, как у худосочной герани, которую забыли полить.

Меня от ее сравнения кинуло в холодный пот, что в некотором роде было даже приятно. Я вполне разделяла ее стремление покинуть город, так как внезапно в город пришла жара, от которой положительно не было спасения нигде, кроме бассейна или душа. Согласитесь, возможно провести в душе час или даже два, но глупо торчать там несколько дней кряду. Можно еще включить вентилятор, но он тоже проблемы не решал, потому что перегонял с места на место все тот же раскаленный воздух. Тут-то Марише и пришла в голову светлая мысль поехать на юг, потому что там есть море и сидеть в нем намного приятнее, чем у себя в ванне. К сожалению, сходные мысли посетили без малого девять десятых наших земляков. Во всяком случае именно к такому заключению пришла я, увидев, какие толпы собрались в железнодорожных кассах, торгующих билетами на южные направления.

— У меня, конечно, есть деньги, но не так много, чтобы тратиться на самолет, — сокрушенно вздохнула Мариша, печально пристраиваясь в хвост извивающейся очереди и гипнотизируя меня взглядом, призывающим остаться с ней. Воспротивиться — значило бы вступить с Маришей в жаркую перепалку, а я даже подумать об этом не могла в такую погоду.

Когда мы отстояли без малого полтора часа, Мариша вдруг додумалась до того, что можно поручить взять билеты мне. Ей, видите ли, надо срочно посмотреть расписание. Разумеется, стоило мне подойти к окошку кассы, как я услышала:

— На двадцатое в Симферополь билетов нет.

— А плацкартные? А на следующие дни? — робко спросила я.

Ответом мне был презрительный взгляд неимоверно толстой дамы, восседавшей за малюсеньким по сравнению с ней компьютером. Малыш трудолюбиво жужжал и потрескивал, но мест для нас все равно не находилось.

— Есть два места на завтра на Чернигов. Хотите? — прищурилась дама, одарив меня взглядом, не предвещавшим хорошего продолжения беседы в случае моего отказа от столь выгодного и своевременного предложения.

— Давайте, — решила я, не дожидаясь Мариши и уже осознав, что ничего другого нам тут не светит.

Я так же отлично понимала, что при такой духоте совершать ежедневно походы на вокзал вместе со страждущей Маришей в надежде купить горящий билет на вожделенный Симферополь мне будет не под силу. Поэтому Чернигов казался сейчас наилучшим выходом. И мне еще повезло — ведь могли вообще предложить билет в Ташкент или в Душанбе.

— Правильно, — просветлела лицом дама и голосом, полным оптимизма, на мой взгляд ничем не подкрепленного, добавила: — Прекрасный город! Оттуда доберетесь до моря — и никаких проблем.

— Ты сошла с ума, — грустно констатировала Мариша, когда я, оторвав ее от изучения расписания, призналась в содеянном. — Ты же в курсе, со мной в тех краях всегда случаются жуткие вещи. Последний раз, например, я там вышла замуж.

Я поежилась — муж у Мариши и в самом деле жуткий. Но делать нечего, обмен билетов исключался. Таким образом мы с Маришей оказались в этом гремящем всеми своими составляющими поезде, который быстро заполнился загорелыми людьми с объ-

емными тюками, издающими густой запах чеснока. В смысле чесноком пахли не тюки, а люди, но уж пахли так, что даже неприхотливой Марише мало не показалось.

По мере продвижения на юг запах усиливался. Его приносили в вагон все новые пассажиры. Да еще все, будто сговорившись, ели сало с луком. Мы с Маришей, обладатели вареной курицы, чувствовали себя неудобно.

В соседи нам досталась пожилая супружеская пара с густым крестьянским загаром на морщинистых лицах и разбитых физической работой руках да трое хиппующих и потому очень грязных парнишек. Хиппующие элементы тоже хотели в Крым, но даже сходство наших желаний не подвигло Маришу на сближение с ними. В этом вопросе я проявила полную с ней солидарность, потому что воняло от них так, что даже духовитый чеснок блекнул по сравнению с ароматом их молодых тел.

Я с самого начала смирилась со своей участью и скромно забилась в уголок возле окошка, из которого хоть немного тянуло свежим воздухом, но Мариша по натуре была бойцом и так просто не сдавалась. Для начала она развернула перед ближайшими пассажирами широкую пропаганду жевательной резинки, придающей ослепительную белизну не только натуральным зубам, но и протезам, у кого они есть. В качестве рекламного образца она предложила всем попробовать по квадратику резинки сразу после обеда. Но это сработало только на один раз, потом они вежливо, но твердо отказывались. А как подступить к трем душистым мальчуганам, Мариша просто не представляла. И тут один из мальчиков решил немного поухаживать за Маришей. Запах его носков не перешиб бы никакой французский парфюм. Мариша кидала на меня страдающие взгляды, умоляя о

помощи, но я ожесточила свое сердце и хранила нейтралитет. Ничто сейчас не могло бы вынудить меня влиться в их компанию. У Мариши же иного выхода не было. Может, поэтому она с такой тоской смотрела на пробегающие за окнами деревушки и вольные леса.

— Думаешь, дальше будет еще хуже? — спрашивала Мариша с завидной регулярностью, каждый раз надеясь услышать от меня заверения в обратном.

— Конечно, — безжалостно разочаровывала я ее. — Дальше будет хуже, потому что время идет, а чище они не становятся.

В середине второго дня нашего пути, когда мы дошли уже до состояния, близкого к помешательству, поезд остановился среди полей и Марише пришла вдруг в голову мысль. Причем мысль эта предвещала мне многие беды. Я поняла это сразу по разгоревшемуся в Маришиних глазах огню безумия.

— Я тут подумала, — заявила она таким тоном, словно это было величайшее откровение, — что нас никто не держит в этом вонючем вагоне насильно. Жалкие гроши, которые мы заплатили за билет? Плевать на них. Никто не в состоянии остановить нас, если мы пожелаем пожить в любом уединенном месте, виднеющемся в окне, купаться в речке, протекающей через всякую уважающую себя деревеньку, пить парное молоко и есть свежие яйца прямо из-под курочек. Мы, может, даже приохотимся к столь любимому в здешних краях салу. Жить будем в чистой мазанке, где на стенах развешаны гирлянды блестящих стручков жгучего красного перца, пучки сухих душистых трав и медная посуда. А в глубоком ларе будут лежать початки спелой кукурузы, из которых пухленькая и добродушная старушка — наша хозяйка — каждый день варит мамалыгу на печке, а печка вынесена в летнюю кухню. В хлеву будет мы-

чать пестрая корова, требуя, чтобы ее подоили, а потом приготовили из ее молока сливки, творог и сметану. А в саду будут сгибаться под тяжестью налитых абрикосов, крупных вишен и черешен ветви деревьев. А кроме того, поле за деревней будет благоухать маттиолами, распространяя по округе дурманящий, навевающий сладкие сны аромат.

Не жизнь, а мечта. Я поддалась магии ее голоса и размякла. Видя это, Мариша тут же принялась деятельно претворять свои грезы в реальность. Она сгребла мою пластмассовую термостойкую кружку и складной нож с костяной рукояткой в свой красивый рюкзак из натуральной телячьей кожи и метнулась к выходу. Так как по пути она схватила и мой рюкзак, то мне не оставалось ничего другого, как бежать за ней следом, на ходу умоляя одуматься. Но никакие просьбы не помогли. Отпихнув заспанную проводницу, Мариша прыгнула на камни насыпи, я скатилась следом за ней, и почти в ту же минуту поезд вздрогнул и тронулся дальше, а мы остались валяться в придорожных кустах.

На практике все оказалось совсем не так, как представлялось Марише. Во-первых, до вожделенной деревушки было далековато, и прямой путь пролегал по полям, на которых росли отнюдь не живописные цветы, а банальная картошка. Прыгать по грядкам под палящим солнцем навстречу своей мечте?

— Нет, — сказала Мариша. — Мы пойдем другим путем.

— Догадываюсь, каким именно, — уныло промямлила я, кивая в сторону.

В нескольких сотнях метров железнодорожные пути пересекала асфальтированная дорога, по которой Мариша и предполагала добраться до симпатичной старушки с личным хозяйством, в котором обя-

зательно мычит корова и гогочут добродушные гуси, что уже само по себе было из области детских сказок.

Когда мы доплелись до дороги, то дружно уверили друг друга, что выбрали далеко не самое удачное время и место для пешей прогулки. Пыль, поднимаемая нашими легкими кожаными босоножками, лезла в нос тонким облачком, обвивая голые ноги. Мариша вырядилась в шифоновый сарафан и отправилась в путь без шляпы. На мне — трикотажная майка и шорты, но шляпа опять-таки отсутствовала. Плечи и голову откровенно пекло. Во рту вскоре пересохло, и я с тоской вспоминала казавшуюся прежде такой отвратительной теплую воду с привкусом железа из вагонного титана. Левое плечо ныло от тяжести рюкзака, в который я перед отправкой в путь сложила только самые необходимые вещи, но и их набралось немало. Мариша перекинула лямки на другую сторону, я проделала то же самое, но тогда заныло уже правое плечо. А когда я распределила тяжесть груза на оба плеча, заболела спина. Вдобавок в открытые босоножки набились мелкие камешки, более крупные норовили подкатиться под ноги, и им это всякий раз удавалось, а я подворачивала щиколотку и падала на Маришу, которая и сама еле держалась на ногах. Хваленая австрийская анти-стрессовая подошва явно не справлялась со своими задачами, потому что приближение этого самого стресса я чувствовала все отчетливее.

Стало совершенно ясно, что идея проделать весь путь на своих двоих потерпела фиаско. Надо было искать попутку. Выбравшись на асфальт, измученная и злая на всяческих Мариш и вообще всех на свете, включая самое себя, я посмотрела в обе стороны. Над дорогой дрожало прозрачное марево, стрекотали цикады, но она была совершенно пустынна.

Мариша уселась на свой рюкзак, откровенно наплевав на то, что он ручной работы, обошелся ей в целом состоянии и служил верой и правдой уже несколько лет, и приготовилась ждать.

Это она умела, но не любила. Я тоже умела и точно так же не любила. Однако, когда среди ваших друзей много поклонников мужского пола, поневоле тренируешь выдержку. Потому что они вечно динамят со звонками и встречами, умудряются опаздывать даже на торжественные приемы, куда сами же настойчиво вас и приглашали. Приходилось их ждать, но никогда и никого я не ждала с таким нетерпением, как сейчас. Самый красивый и богатый поклонник не смог бы похвастать тем, что ради него я выходила на середину дороги и поднималась на цыпочки, стремясь разглядеть вдали его одинокий силуэт.

Наконец среди дрожащего воздуха и самозабвенного пения кузнечиков раздался звук работающего мотора. И вскоре на шоссе появился трактор. Отдохнувшая Мариша усиленно замахала руками, призывая его остановиться, а я даже подпрыгнула пару раз для вящей убедительности. Трактор остановился, но тракторист не выключил мотор. Поэтому разговор велся на повышенных тонах.

— Подвезете нас до деревни?! — кричала Мариша, возбужденно махая руками в сторону приглянувшихся домиков.

— До какой? — с непередаваемой интонацией удивился тракторист.

— За дуру меня держит! — разозлившись, сказала вспыльчивая Мариша и свирепо прокричала трактористу: — Вот до той!

— Та то не село, то хряки там. А ты, я бачу, не ту-тешная? А подружка тоже? Так я буду обратно ехать и возьму вас до своей хаты.

— Спасибо, — поблагодарила его я вместо Мариши, сломленной утратой своей мечты.

— Та, пустое.

После этого мужик тронул с места свою махину и уехал. Сзади у него был пустой прицеп, явно предназначенный для перевозки свиного поголовья, а то и еще чего похуже. Я немного ужаснулась при мысли о том, как мы будем выглядеть, вылезая из трактора, груженного свиньями, и быстро пошла в сторону, противоположную удаляющемуся трактору. Мариша вприпрыжку пустилась за мной. Через какие-нибудь полчаса мы уже стояли на перекрестке и выглядывали машину, которую трудно было бы назвать попутной, так как Марише, в сущности, было все равно, в какую сторону ехать, мне тоже. А стало быть, годилась любая. Но пока попался только маленький «жигуленок», под завязку забитый детьми и их родителями, да старенький грузовичок с теткой-агрономом, объезжавшей поля и потому взять нас с собой не пожелавшей.

Вдалеке уже раздавался треск возвращающегося трактора со всеми вытекающими последствиями, когда к нам подкатила синяя «Ауди» не первой молодости, покрытая плотным слоем пыли. За рулем сидел субъект с блестящей загорелой лысиной, окруженной венчиком пепельных, коротко стриженных волос, и зелеными лукавыми глазами. Субъект плотоядно улыбался.

— Садитесь, подвезу, — пригласил он нас с Маришей, распахивая дверь.

Садиться к нему было по меньшей мере безрассудно, так как он был в обществе друга, выглядевшего законченным уголовником, но в этот момент Мариша разглядела, чем именно загружен кузов нашего знакомого трактора, и все сомнения сразу развеялись. Мы споро запрыгнули в машину, вдобавок

почувствовав даже прилив благодарности к водителю.

— Познакомимся? — предложил загорелый. — Я чувствую, нам теперь долго быть вместе, поэтому лучше познакомиться сразу же.

Мариша назвалась Аглаей, представила меня, нервно оглядывающуюся через плечо, и умолкла.

— Ты кого-то опасаясь? — поинтересовался наш водитель, кладя руку на рычаг переключения скоростей.

Мне показалось, что если я сразу же признаюсь в том, что опасаясь появления трактора с навозом, то это не в лучшую сторону повлияет на мой образ, который уже начал формироваться в головах новых знакомых. Поэтому я ничего не ответила, а только улыбнулась и стрельнула в водителя глазками. Могла особенно и не стараться, все равно Маришино присутствие должно было свести на нет все мои усилия.

— Кстати, мы с вами еще не до конца познакомились, — намекнула она.

— Что ты имеешь в виду? — с легкой надеждой в голосе спросил товарищ водителя.

— Вы сами еще не представились.

— А, — разочарованно вздохнул тот, — я Сергей, а это Игорь.

Тут разговор плавно перешел на Игоря, который начал с жалоб.

— Еду куда глаза глядят, — поведал он. — Устал как собака. С утра на работу, домой возвращаюсь затемно, обеда нет, ремонт не доделан, потому как времени не хватает, везде мешки с цементом и штабеля кафеля. Устал я и решил слинять на пару неделек к югу. Пошли они все к черту.

— Издалека едешь? — спросила Мариша, чтобы хоть что-то спросить, потому что ей было до фени, откуда он едет.

- Из Питера, — равнодушно сказал Игорь.
- Что?! — поразились Мариша. — И ты тоже?
- И где же ты там живешь?
- На Новаторов.

— Какой ужас, — совершенно упавшим голосом произнес Игорь. — Едешь за тридевять земель, чтоб только не видеть этих людей и хоть немного сменить обстановку, и в голом поле, в добрых пятидесяти километрах от мало-мальски приличной трассы, встречаешь девушку, которая, оказывается, живет на соседней улице.

Он явно расстроился этим обстоятельством, и мне показалось, что Мариша несколько поутратила в его глазах свои позиции, и вообще он склонен выставить нас обратно на дорогу. Во всяком случае, теперь он подчеркнуто обращался только ко мне, предварительно убедившись, что я из другого района. Жила-то я в том же районе, но уж больно не хотелось топтать пешком.

— Но учти, — сказал он мне, — раз уж мы едем вместе и это моя машина, то направление выбираю я. А ты можешь пока прикурить мне и себе по сигарете. Они там, в «бардачке».

В «бардачке», помимо синей пачки «Пэлл-Мэлл», лежали еще сотовый телефон, женский платок, женские колготки, щетка для волос, Игорю явно не нужная, и упаковка противозачаточных таблеток.

Машина, несмотря на внешнюю непрезентабельность, летела словно птица. Спидометр откровенно не работал, потому что на скорости 60 километров в час столбы за стеклами так не мелькают. На поворотах Мариша закрывала глаза и старалась по возможности подольше не открывать их, а я принималась горестно подвывать от страха.

— Прикурила сигарету? — раздался над самым ухом голос Игоря.

Я разлепила веки и пролепетала:

— Можно попросить тебя об одной вещи? Сбрось немного скорость.

— Да ты что? Как черепахам, что ли, ползти? У меня дел полно. Мы же так никуда не успеем.

— А мы никуда особо и не торопимся, — сообщила ему Мариша.

В ответ Игорь прибавил скорости. Теперь нас всех кидало из стороны в сторону, и я не знала, за что уцепиться. Все казалось одинаково ненадежным. Одному Игорю все было по барабану, он держался за руль и явно чувствовал себя великолепно. После особо крутого виража Мариша завопила:

— А ну-ка, останови быстро, а то мне что-то не хорошо!

Игорь послушно остановил свою тачку и озабоченно уставился на Маришу.

— Я пойду подышу свежим воздухом, — прошептала подруга и на подгибающихся ногах вышла из машины.

Я позавидовала ей, потому что мои ноги вообще отказывались меня слушаться.

— Я посмотрю, чтобы с ней все было в порядке, — сказал Сергей и ушел, а Игорь внимательно уставился на меня.

Визуальный осмотр не удовлетворил его. Он приблизился ко мне вплотную и принялся жадно целовать. Это было настолько неожиданно, что в первый момент я не поняла, что стряслось, потом подумала, что это очень даже приятно, и лишь потом вспомнила, что порядочные девушки не позволяют целовать себя посреди дороги четверть часа спустя после знакомства. Тогда я попыталась вырваться из его рук, что было очень непросто, так как делать этого решительно не хотелось, а хотелось, наоборот, задержаться подольше. Но тем не менее немислимым

усилием воли я все-таки заставила себя предпринять несколько попыток освободиться. В итоге я почувствовала, что вся дрожу, но не могла сообразить, от чего дрожу: от негодования или от страсти.

Губы Игоря приникли к моим губам, и его бесстыжий горячий язык принялся очень активно обследовать мой рот. А руки его поглаживали мое тело, и тонкая ткань майки служила лишь самой иллюзорной преградой между этими руками и мной. Самое страшное, что, когда он придвинулся ко мне поближе, я поняла, что все происходящее не просто нравится мне, а просто безумно нравится, а такого быть не должно, все-таки я девушка порядочная и знаю толк в хороших манерах. Поэтому, когда Игорь на минуту оторвался от меня, чтобы перевести дыхание, я оттолкнула его и бросилась в бега.

Выскочив из машины, увидела голую спину Мариши, мчавшейся к зарослям кукурузы так, словно за ней гнались толпы чертей, а не один стриженный под бокс представитель этого племени. Рюкзак бил ее по спине, но она не обращала на него внимания, равно как и я на то, что Игорь кричал мне вслед. Кажется, он предлагал нам вернуться. Я решила не проявлять самостоятельности и по примеру Мариши тоже кинулась в заросли. Там я затихла из-за опасения погони, а потом совсем рядом услышала шум ломаемой кукурузы и увидела возбужденную и запыхавшуюся Маришу. Не успели мы порадоваться встрече, как снова зашумела кукуруза, и мы поняли, что за нами погоня. Плохо соображая, что делаем, мы метнулись в сторону. Возвращаться обратно после позорного бегства было бы ниже нашего достоинства, и, хотя блага, которые сулили нам преследователи, позволили бы прожить остаток жизни безбедно, мы не поддались.

Наш план собственного спасения был прост.

Нам надо переждать лишь самую малость до того момента, когда наши преследователи уймутся, а потом выбраться на дорогу. На свой счет я не обнадеживалась, ни один мужик не стал бы гоняться за мной по кукурузе больше двадцати минут. Мариша ценила себя дороже, но и она не настаивала больше чем на сорока минутах. Но призывные вопли наших поклонников не стихали подозрительно долго, и мы вынуждены были уходить все дальше и дальше в глубь поля, пока наконец не поняли, что все сроки прошли и пора выбираться. Конечно, к этому моменту ни одна из нас не представляла, в какой стороне дорога.

— Уверяю тебя, что последний раз слышала шум вон там, — настойчиво твердила Мариша.

Я послушно проследила за направлением ее руки, но ничего, кроме зеленых стеблей кукурузы, не обнаружила. Кричать караул нам не позволяла Маришина гордость. А к тому моменту, когда гордость сочла нужным заткнуться, мы уже углубились в заросли настолько, что кричи не кричи, никто не услышит. Единственное утешение было в том, что от голода мы не умрем. Повсюду на стеблях висели толстенькие початки, наполненные сладкими зернами кукурузы. Мариша сорвала приглянувшийся початок, присела на землю, вонзила в него зубки и сказала, что скоро вечер, а темнеет тут быстро.

— Я где-то читала, — поделилась она со мной своими знаниями, которые пребывают у нее в некотором хаосе, — что поля в отдельных районах Украины занимают такое пространство, что по ним можно идти целый день и все равно никуда не выйти. А день-то уже прошел, скоро вечер.

На самом деле до темноты было еще далеко, но Мариша не хотела рисковать и старательно впадала в истерику. Она завывала все громче и громче, а я

тем временем старательно припоминала, что видела из окна машины. Мне смутно вспоминалось, что солнце светило мне прямо в лицо, когда я пыталась рассмотреть вдалеке скопление белых каменных строений. Это вполне могла быть какая-нибудь очередная ферма, но сейчас и ферма казалась предпочтительней, чем кукурузные джунгли. Там все-таки должны быть люди. Тут же я чувствовала себя неудобно, очень некстати вспомнила книгу Кинга «Дети кукурузы», и мне стало совсем неудобно.

А прогноз Мариши оправдывался, вечерело и впрямь быстро. К этому времени рыдания Мариши разжалобили меня настолько, что я простила ей все выходки, присела рядом и пообещала не бросать до самого конца. Она затихла, а я открыла рот, чтобы зареветь, как вдруг вдалеке завывла и залаяла собака. Верней, лаяла она, должно быть, давно, но только сейчас мы слышали. Раньше вытье заглушала Мариша.

Я подавила растущий восторг и желание закричать, взывая о помощи, встала так, чтобы садящееся солнце было чуть справа, и мы двинулись на собачий вой. Шли долго, спотыкаясь о стебли кукурузы и раздвигая листья, с которых на нас сыпались сухие остовы насекомых и пыльца. Солнце хоть неторопливо, но уже давно село в тучи, наступили и прошли сумерки, а мы все еще брели по полю, последними словами ругая себя за все глупости, которые успели совершить за сегодняшний день.

По небу поползли тучи, и поднялся ветер. Со всем стемнело, но звезд на хваленое своей прозрачностью украинском небе почему-то не было. Впереди продолжала завывать собака. Я с удовольствием выбрала бы себе иной ориентир, но ничего более подходящего не попадалось. Мариша готова была горько зарыдать и поминутно делала попытки гото-

вить себе и мне лежище, заливая кукурузные листья потоками слез, когда, раздраженно отпихнув от щеки очередной стебель, я увидела впереди тусклый огонек.

— Мариша! — возликовала я. — Не реви, мы выбрались.

В нескольких шагах от нас стоял одноэтажный кирпичный дом. В пригородных садоводствах Питера такие домики строятся из досок, бревен и любого подручного материала. Здесь все заменял кирпич. Стоял дом на каких-то десяти сотках, и вокруг, на других сотках, стояло еще несколько таких же домиков, из того же белого кирпича. Но ни в одном из них не горел свет, что для этого времени суток было странно. Светилось только окошко хлипкого деревянного сарайчика, притулившегося к крайнему дому. Возле сарайчика стояло дерево, которое Мариша в потемках приняла сначала за яблоню, потом за грушу, оказавшееся конским каштаном. Кроме него, тут рос ужасно густой кустарник, который, похоже, никто не культивировал, и он рос тут сам по себе. Плодовые деревья были такими крохотными, что я их сначала и не признала. Похоже, что садовое хозяйство, куда мы попали, было совсем новым, и в домах либо никто не жил, либо в них еще не провели свет. Первое могло плавно вытекать из второго.

Строительство и отделка внутренних помещений были еще далеко не закончены, на что указывали стелившийся над участком мощный запах растворителя и общая неблагоустроенность участка.

Грациозно лавируя между чахлыми прутиками яблонек-малюток, колючими зарослями неприхотливой малины, порой невзначай наступая на редкие и заросшие бурьяном грядки с чем-то непонятным, давя бешеные огурцы, которые взрывались у нас под ногами словно гранаты, и топчась, как дикие газели,

по полянкам с петрушкой и прочей зеленью, мы с Маришей все-таки добрались до сарайчика. Но, наученные сегодняшним беспокойным днем, мы не стали сразу же ломиться в дверь с криками о помощи, а предварительно и очень осторожно заглянули в окошко. И, как оказалось, очень правильно сделали, потому что внутри мы были бы точно некстати.

По верстакам были разбросаны пустые одноразовые шприцы и иглы для инъекций в упаковке и без, а также вата в количестве, способном обеспечить небольшую сельскую больницу на целую неделю работы. Тут же стояла газовая плита с подсоединенным к ней пухатым красным баллоном, на которой в кастрюле с облупившейся эмалью кипело варево, не имеющее ничего общего с борщом. По полу были рассыпаны полиэтиленовые пакеты с высушенной травой, часть которой явно и варилась в кастрюле на предмет последующего выпаривания, очищения и введения в кровь содержащихся в ней алкалоидов.

Обладателями всего этого добра оказались трое парней, которые в данный момент были заняты засыпанием ранее выкопанной в земляном полу дыры. Это занятие так увлекло их, что они даже не разговаривали друг с другом. Двигались парни очень вяло, передвигая ноги, словно в густом киселе. Постоянно отвлекались на то, чтобы почесаться и попить воды. Тем не менее дело у них двигалось и скоро было почти закончено.

Двое отправились помешивать свое варево, отжимать и процеживать его, а третий остался заканчивать работу. Завершив ее, он принялся тщательно трамбовать землю, чтобы не осталось следов и свежей земли. Потом навалил на только что ликвидированную яму пустых ящиков и успокоился. Видя,

что они почти закруглились, мы начали осторожное отступление.

— Ты понимаешь, куда мы попали? — прошептала Мариша мне в ухо. — Это же наркоманы.

Я и без ее пояснений догадывалась, что стала свидетельницей того, как местные наркоманы маскировали на даче родителей или родственников свою захоронку. Столь тяжкий труд, в общем-то, на редкость ленивые наркоманы могли предпринять только ради своих наркотиков. Наверняка они закопали мешок или несколько мешков с маковой соломкой, собранной по окрестным садам и доставленной сюда, чтобы всю долгую зиму пробавляться ею. А часть этой соломки, предназначенная для употребления в самые ближайшие дни, была распределена по полиэтиленовым пакетам, разбросанным по полу.

Я, конечно, восхитилась предусмотрительностью троицы, спрятавшей свою записку от товарищей, родителей и правоохранительных органов. Однако совершенно иные чувства увиденная картина разбудила в душе Мариши. Она откровенно умилилась действиям провидения, приведшего ее столь кружным и длинным путем именно к этому месту и именно в это время. Двух мнений быть не могло. Провидение указывало, нет, оно просто настойчиво требовало, чтобы Мариша немедленно отправилась в местное отделение милиции и поведала там, что довелось ей увидеть.

Причина столь ярого исполнения своего гражданского долга, на который большинство людей предпочло бы наплевать, крылась в глубокой и неискоренимой ненависти Мариши к наркотикам и наркоманам. Именно из-за них она потеряла своего любимого мужчину, а потом еще одного и еще. Так что теперь готова была землю рыть в буквальном

смысле, лишь бы удалось ликвидировать этот склад наркотиков.

— Идеально было бы прихватить заодно и трех наркоманов, но для этого нам следовало бы поторопиться. На приготовление своего раствора у них не может уйти больше двух часов, так как, судя по снизившейся интенсивности запаха, растворитель почти целиком выкипел, и теперь им остается не так уж много работы, — со знанием дела рассуждала Мариша.

— Однако я сильно сомневаюсь, что они останутся ночевать в этом неудобном сарае, где нет даже топчанов, когда на дворе чудная теплая ночь, в которую до города прогуляться — одно удовольствие, — попыталась умерить я ее рвение, которое меня пугало не на шутку.

— Мы немедленно идем в город, — конфиденциальным шепотом сообщила мне Мариша.

Так как за сегодняшний день я сильно устала, то не уловила опасности в этом предложении. Поэтому позволила Марише прокрасться к дороге и прокрадлась сама мимо стены сарайчика, сквозившей щелями, все время замирая от страха, что кому-нибудь из парней нестати придет в голову мысль глотнуть свежего воздуха и он наткнется на семящие мимо их порога на цыпочках фигуры и, естественно, поднимет тревогу. Но все обошлось благополучно. Никто не показался из сарайчика, даже когда Мариша привязывала свой шелковый платок к ветке кривой груши и подкатывала пятнистый камень к обочине дороги, а я громко шипела, пытаясь выяснить, какого черта она все это делает.

— Ты что, не соображаешь? — возмутилась моей тупостью Мариша. — Сказки читать надо, про Али-Бабу, например. Как мы найдем дорогу обратно, если мы тут впервые? Надо оставить ориентиры.

Я онемела от ужасного предположения, что нам еще раз суждено сюда вернуться. Зная свою подругу, понимала, что это очень смахивало на правду.

Полагая, что только двух ориентиров, и то оставленных у самого порога, ей вряд ли хватит, чтобы найти в темноте обратную дорогу, она на каждом повороте, слава богу, асфальтированной и широкой дороги оставляла что-нибудь из своего гардероба. Я, окончательно выбитая из колеи и еще не до конца сознающая, во что впутываюсь, тащилась сзади, наблюдая за действиями подруги. И ведь мне ничто не мешало потихоньку снять хотя бы часть вещичек Мариши, и тогда фиг бы она нашла обратную дорогу. Мы выглядели бы в глазах милиции взбалмошными истеричками, но этим бы все и ограничилось, а в этом нет состава преступления. Однако я не помешала Марише освободить свой рюкзак от лишней одежды, и в черту города она вступила почти налегке.

Первой человеческой особью, на которую мы наткнулись, оказалась мощная тетка в пестром деревенском платке с огромной плетеной корзиной в руках. Изъяснялась она певучими и мягкими словами, понять значение которых Марише с непривычки удавалось с трудом. Но все-таки она поняла, что идти ей, сердешной, надо долго. Сначала прямо, потом за центром направо, потом после рынка снова направо, где найти загс. Вот в нем-то на втором этаже и будет милиция. И мы с Маришей поспешили туда, при этом по пути она бормотала себе под нос, что если бы ей довелось распоряжаться в этом городе, то поместила бы милицию ближе к моргу, а никак не к загсу. Зачем навевать на молодых лишние сомнения?!

Двери загса были закрыты из-за позднего времени, но на втором этаже горел свет. Мариша задрала

голову, что-то сосредоточенно прикидывая, а я присела рядом поразмышлять. Насколько я знаю свою подругу, она теперь не успокоится, пока не доведет дело до конца. Значит, если мне хочется хотя бы часть ночи провести нормально, следует позаботиться о том, чтобы Мариша поскорей добралась до милиции. Самым простым способом было бы покричать снизу, чтобы дежурный впустил ее. Но именно этот способ Марише отчего-то пришелся не по душе, и она отвергла его с таким презрением, что прямо вогнала меня в краску.

Административное здание было сравнительно современным, и никаких карнизов, выступов и балкончиков, удобных для лазания, на его фасаде архитекторы не предусмотрели. Чтобы забраться на второй этаж, надо было обладать атлетическим телосложением и комплектом альпинистского снаряжения, поэтому Мариша потащила меня дальше. В надежде найти какой-нибудь более подходящий для нее способ проникнуть в здание мы обогнули его по периметру и вышли к его тыльной части. Тут был фруктовый сад, засаженный рослыми и на первый взгляд очень крепкими деревьями. Прямо к распахнутому окну второго этажа подходили ветви раскидистой шелковицы.

Увидав их, Мариша подпрыгнула от восторга и вприпрыжку подбежала к дереву, поздравляя меня с удачным разрешением своей проблемы. Забраться на ветвистое дерево было для нее делом пяти минут. Ну, почти пяти минут. На самом деле она оказалась весьма посредственным лазальщиком по деревьям, я не осуждала ее, сказывался недостаток практики, и только. Когда я, пытая и потирая ссадины на локтях и коленях, доползла по ветке, оказавшейся на поверку не столь уж и крепкой, до подоконника, руки и ноги у меня дрожали от непривычного напряже-

ния, а Мариша была красной, как помидор. В таком виде она и предстала перед изумленным взором пожилого седовласого мужчины с объемистым брюшком, который не спеша шел в свой кабинет, нес толстый бутерброд с домашней колбасой и чашкой горячего чая.

«По его виду никак не скажешь, что он рад нашему появлению», — подумала я, но так как отступить было некуда, мы все же сказали ему:

— Здрасьте.

Неожиданное явление Мариши, а вслед за ней и мое, совершенно выбило его из колеи. В ответ он смог только кивнуть, да и то после длительной паузы, за время которой Мариша успела перетащить внутрь свой похудевший рюкзак, оглядеться и почти совсем освоиться.

— Я к вам по важному делу, до утра ждать не могла, потому как только что приехала, а дверь ваша закрыта. Вот и пришлось воспользоваться окном, — сказала Мариша, полностью уверенная, что после такого пояснения между ними не останется никаких недоразумений.

Дежурный потряс головой, видимо, в надежде, что это всего лишь плод его перегруженного внеурочной работой мозга, но Мариша не растворилась в воздухе, а продолжала стоять и говорить.

— Все началось с того, что тот парень начал неожиданно ко мне приставать. Если бы он хоть намекнул, что у него на уме, я успела бы подготовиться. А так я была совершенно не в форме и побежала в поле, а в вашем садовом товариществе наткнулась на сарайчик, а в нем трое наркоманов зарывали свою мерзкую соломку.

— В моем сарайчике? Но у меня на участке нет никакого сарайчика. Это вовсе не сарайчик, а финский домик, если желаете знать.

— Да при чем тут ваш финский домик, живите где хотите, — рассердилась Мариша. — Речь совсем о другом участке. Может быть, и товарищество совсем другое. Сколько их у вас в городе?

— Пять. Одно от ТЭС, второе от химзавода, третье от кирпичного...

— Вот оно и есть. Там все дома из кирпича. Наверняка с завода натырили.

— Ничего подобного, — в свою очередь рассердился Маришин собеседник. — Завод сам продавал кирпич по себестоимости, у моей тещи тоже дом из такого кирпича. И нечего тут грязные кидать намеки.

«Идиот», — подумала Мариша.

«Склочница», — не остался в долгу милиционер.

Беседа явно потекла не по тому руслу. Еще немного — и дежурный, устав от неприятной собеседницы, выставил бы ее за дверь, но тут произошло самое настоящее чудо. В коридоре раздались шаги и голоса:

— Я тебе говорю, с ними что-то случилось. Не могли же они сидеть на этом поле целых три часа, когда знали, что я жду их на шоссе. Они наверняка заблудились.

Дверь открылась, и на пороге возникли двое мужчин, одним из которых оказался Игорь.

— Вот она! Нашлась! — обрадовался он.

— Химичев, — строго сказал Сергей, который своим подтянутым видом разительно отличался от дежурного, а его бандитская внешность теперь производила впечатление мужественной и благородной, — почему дверь внизу закрыта? Мы еле дозволись Веру Матвеевну, она же глухая совершенно. А если потерпевшие придут, то что им делать? Не у всех же пока дома телефоны есть.

— Вот они же пробрались, — недовольно буркнул толстый Химичев и обиженно надулся.

— А с вами, девушки, особый будет разговор. Вы зачем людей до полусмерти пугаете? Убежали, и ищи вас потом целый вечер. У меня, между прочим, на него были другие виды. Только из-за просьбы старого друга, которого не видел сто лет, я и подписался вас искать. А то плюнул бы — и выкручивайтесь сами.

Я хотела сказать, что мы никого не просили нас искать, тем более портить себе вечер, но потом подумала, что нам как раз и придется сейчас испортить вечер этому, в общем-то, симпатичному, хоть и сердитому начальнику.

— Спасибо вам за заботу, — вежливо поблагодарила Сергея ставшая подозрительно ласковой Мариша.

— Зови меня просто Сережей, раз уж ты в некотором роде знакомая и к тому же еще соседка моего друга. Но только в неофициальной обстановке. Потому как служу я тут всего месяц и много себе позволять пока не могу, — ответил ей Сергей.

— Тогда я бы хотела узнать ваше полное имя, потому что сейчас обстановка перестанет быть неофициальной.

— Никитин Сергей Владимирович — майор милиции, а в чем дело? Хотите подать жалобу на моего друга? Сразу могу предупредить, что рассматривать ее будут очень долго. Может быть, несколько месяцев. Он тут успел соблазнить столько девушек, так что до вас на рассмотрении целая очередь дел.

— Да бог с ним, с вашим другом. Не о нем сейчас речь.

— Слышал, Игорек? — рассмеялся Никитин. — Это что-то новенькое, впервые слышу, чтобы девушке не было до тебя дела. А о чем же тогда речь?

Мариша сделала таинственное лицо и страшным шепотом произнесла:

— Наркотики.

Все в комнате, включая незаинтересованного Игоря и безмятежного до сей поры Химичева, произвольно вздрогнули и напряглись.

— Когда нам удалось выбраться из кукурузы, а случилось это всего каких-нибудь сорок минут назад, хотя, конечно, я столько времени потратила на препирательства с вами, что уже значительно больше. Но дело не в этом.

И тут Мариша леденящим душу голосом рассказала все, что ей удалось подсмотреть. В этот раз у нее получилось значительно лучше, она не допустила прошлой ошибки и не стала валить все в одну кучу, а рассказала подробно и обстоятельно, не касаясь болезненной темы кирпичного завода. Я ее одобрила, городок-то маленький, вдруг окажется, что у Никитина там тоже работает какой-нибудь двоюродный брат или троюродный дедушка. Хлопот потом не оберешься.

Но все прошло удачно, даже удачнее, чем Мариша могла рассчитывать. Никитин куда-то срочно позвонил и строгим тоном велел немедленно прибыть к мосту, где им предписывалось задерживать всех мужчин в возрасте до 25 лет. Мариша вслух поздравила его с удачным решением, но он ее даже не придушил, лишь снисходительно кивнул. Реку нам тоже довелось переходить по мосту, и, насколько я помнила, ни в одну сторону второго моста не предвиделось. Стало быть, если те наркоманы все еще там, они неизбежно попадутся в лапы милиции.

В общем-то, мне этого не очень-то хотелось, потому что никакой пользы они от пребывания в милиции для себя не извлекли, разве что некоторое время просидят под замком и, может быть, за это время отвыкнут от своей вредной привычки. Но надежда на это была весьма слабая. Поэтому меня вполне устроило бы, чтоб просто ликвидировали их тай-